

Годы труда

Думал ли этот человек когда-нибудь о том, сколько у него друзей и доброжелателей? Сегодня утром на улице его обогнал прохожий огромного роста в черном ватнике (в двух местах на плече ватник был прожжен, но аккуратно заштопан). Прохожий неловко повернулся, загоразживая массивной фигурой неширокий проход у забора новостройки.

— Поздравляю вас, товарищ артист! — прогудел он, и обветренное добродушное лицо округлилось от беззубой улыбки. — от души поздравляю!

Сколько раз за эти дни его останавливали незнакомые люди, жали руки, поздравляли, благодарили. Почтальон, совершая свой ежедневный обход, оставлял на вьартуре десятки писем и телеграмм...

Началось это с памятного, предпраздничного вечера.

30 апреля, добросовестно выстояв солидную очередь в парикмахерской и затем лаконично, но обстоятельно ответив на все вопросы заметного уставшего к концу дня мастера («Побрить?», «Массаж?», «Компресс?»), Зиновий Владимирович неторопливо направился домой. В свете уличных фонарей темно алели знамена и лозунги на фасадах зданий. Высоко в небе светилась красная звезда, укрепленная на вершине башенного крана. И алые полотноща, и звезда в высоте, и оживление на улицах, и легкий запах весенних букетов, унесенный из парикмахерской, — все это гармонировало с праздничным настроением. Завтра на скромном семейном торжестве будут произнесены два тоста: один — за праздник весны и труда, второй — за любовь и счастье: Зиновий Владимирович и Нина Александровна отмечают 21 год супружеской жизни. И не грустно, а тепло подумалось: «А ведь до серебряной свадьбы — рукой подать!».

Дверь открыла Нина Александровна. По ее лицу он догадался: что-то произошло. Но прежде, чем спросить, увидел знакомую коренастую фигуру Георгия Дмитриевича Шевченко. Лицо у Шевченко было невозмутимо спокойно и только глаза смотрели как-то особенно: испытующе и одновременно лукаво.

— Ну, это вы кажется рановато, — сказал Зиновий Владимирович, заметив в руке у гостя бутылку портвейна, — праздник будет завтра.

— Нет, не рановато. Вот, почитайте. Зиновий Владимирович развернул телеграмму. Москва. Его поздравляют с присвоением звания заслуженного артиста республики.

— С днем рождения вас!.. Кажется, эти слова произнес Георгий Дмитриевич, заключая в дружеские объятия товарища по сцене?

С днем рождения? Глядя на удалявшегося впереди широкоплечего человека в ватнике («Сталева?», «Строитель?.. Нет — сталева»), Зиновий Владимирович снова вспомнил эти слова. Конечно, это была лишь шутка. Почетное звание является оценкой, признанием плодотворности, полезности труда. А рождение артиста... Оно произошло раньше и не так вдруг, не за один день. Годы напряженной работы, сомнений, поисков, находок и утверждений — вот что такое процесс рождения артиста: тернистый, горький и радостный путь!..

Уже 12 минут содрагаются своды великолепного Соловцовского театра от неистовых, восторженных криков. По сцене мечется старый растерянный чиновник, его голос тонет в общем шуме, но на каждый его жест, на каждое движение лица зрительный зал отвечает новыми и новыми взрывами аплодисментов и восторженных выкриков. Идет спектакль «Семья Пучковых и собака»...

Ночные пустынные улицы Киева все заполнены мягким осенним попутным листопадом. Распахнув куртку, подставив грудь еще теплому встречному ветру, по мягкому ковру опавшей с деревьев листвы шагает студент Киевского университета и, по мнению родителей, будущий дипломат Зиновий Бестужев. Он то идет стремительно, то вдруг останавливается, высокий, он становится меньше, плечи опускаются, суетливые дрожащие руки начинают беспорядочно шарить по карманам. Появившийся из-за угла дворник с изумлением наблюдает, потом строго кричит:

— Эй! Ты кто такой?

— Я? Чиновник-с Пучков...

Дворник молча сует в рот свисток, размышляет и, возвратив свисток на его обычное место — на цепочку у живота — сердито бурчит: «помешався» и идет прочь.

— Верно, помешався! — весело думает студент, вспомнив, как он полчаса назад отчаянно аплодировал и кричал «браво»

исполнителю роли Пучкова, вскакивая со своего места в зрительном зале театра.

Бестужев чувствовал, что мечтам родителей, пожалуй, не суждено сбыться. Ни дипломатическое, ни юридическое поприще его не интересовали. Сцена, залитая лучами прожекторов, волшебная сцена, на которой совершается чудесное преломление жизни, где рядовое и обыденное становится значительным и трагическим великое шествует рядом с ничтожным и ничтожное поднимается до великого. а у сотен людей в зрительном зале по-новому открываются глаза на людей, события и вещи — вот чем бредил студент университета. Самому играть на сцене! Играть так, как те, кому одинаково самозабвенно аплодируют партер и галерка, как играют Степан Кузнецов, Николай Соснина, Николай Синельников...

Но и эта мечта отступила, временно стушеввалась перед великими, захватывающими событиями, связанными с Октябрем и борьбой за утверждение власти Советов.

После того, как студенты юридического факультета вывели на тачке из аудитории и спустили по гулким ступеням парадной лестницы несколько профессоров, непримиримых контрреволюционеров, состоялся митинг. Многие из его участников вечером получали винтовки — создавалось ополчение для защиты молодой республики от начавшейся интервенции. Боевой винтовки Бестужеву не досталось. С огорчением он рассматривал безматериальную берданку образца какого-то далекого от происходящих событий года.

— Ничего, — утешил его рабочий, раздававший оружие, — до первого боя. А там завоюешь себе более подходящую для дела!..

Так начался путь в жизнь юриста по образованию и артиста по призванию — путь, который лежал через многие города, в том числе и через Москву. А в Москве произошло событие, которое осталось в памяти на долгие годы, на всю жизнь.

...Народ подходил со всех сторон, на большой площади становилось тесно. Рабочие замасленные кельи перемешались с острокопечными сукоными «богатырьками». Над толпой поднимался глухой сдержанный гул и уносился ветром вместе с сизоватыми дымами самокруток. Потом шум утихнул, толпа загудела возбужденно и радостно, и все стихло. Где-то далеко на невидимой трибуне поднялся над морем

голов человек в пальто и мягкой фуражке.

— Товарищи!..

Стараясь не пропустить ни одного слова, Бестужев слушал Ленина. И ему, проводившему немало студенческих ночей над солидными трудами по философии, социологии, государству и праву, здесь, на одной из московских площадей, впервые, как никогда раньше, стали ясны и понятны социальный и философский смысл, историческая закономерность тех событий, участником которых ему довелось быть.

Что такое жизнь артиста, из чего она складывается? Актер старшего поколения, творивший до Октябрьской революции и в первое десятилетие после нее, мог бы ответить так: жизнь артиста — это образы и города. Работа актеров была сезонной. Год, от силы два в одном городе, затем — новый договор, новый театр, новый город.

Зиновий Владимирович удачно вышел на сцену. Он не мог пожаловаться на то, что в первые годы его амплуа составляли роли, исчерпывающиеся одной выразительной фразой, вроде: «Бухать подаю» или «Графиня в карете и гневаться изволят». Первая роль им была сыграна в том самом бывшем Соловцовском театре, в так когда-то поразившем его блестящей игрой актеров спектакле «Семья Пучковых и собака». Бестужев исполнял роль одного из сыновей чиновника. Теперь на одной сцене с ним играли знаменитые Кузнецов, Синельников и другие мастера театра, у которых молодой актер учился проникновению в образ, слову, жесту.

Успешный дебют, удачные выступления в следующих спектаклях. Публика уже заметила новичка, ему уже аплодируют, когда после занавеса он выходит на авансцену, аплодируют не из вежливости, а щедро, от души. Но Бестужев понимает, что он еще не артист, что нужно упорно работать, пройти хорошую школу, ко многому присмотреться, многое продумать и оценить.

Через два года он по приглашению едет

в Харьков, потом в Одессу... Образы, десятки образов, трагических и комических ролей входят и заполняют его жизнь. Образы и города. Города, поднимающиеся из руин войны и разрухи, города периода военного коммунизма и напоя, с возрождающимися заводами, с бойкими рынками и неогретыми гостиницами.

...Феодосия — солнечный курорт. Сейчас он посеред, сжался в порывах промозглого январского ветра. Минус десять градусов в ледяном дыхании нордостов здесь страшнее, чем скрипучий сибирский мороз. Мокрый ветер надорвал афишу, скопал ее верхнюю часть. Видны лишь крупные буквы: «Бенефис артиста Зиновия Владимировича Бестужева». И так же крупно, призывно: «Помещение театра отапливается»...

...Николаев, Днепропетровск, Харьков... Десятки городов, сотни афиш.

...«Сегодня открытие Тбилисского театра имени Грибоедова. А. С. Грибоедов «Горе от ума». Роль Чацкого исполняет З. В. Бестужев»...

Образы. Князь Мышкин и Раскольников из инсценировок романов Достоевского. Квасимодо из «Собора Парижской Богоматери», Карандышев и Незнамов из Островского, Тартюф и Овод...

Бестужев раз и навсегда отказался от одноплановости, от узости определенного амплуа. Он пробует свои силы в трагических, комических, драматических ролях. Он изучает систему Станиславского и на практике постигает искусство перевоплощения, сложное искусство отрешения от своего «я» и одновременного утверждения этого «я», своего индивидуального-неповторимого в каждом, созданном им, образе.

В 1940 году Бестужев приезжает на Урал уже сложившимся артистом с ярким своеобразным творческим лицом.

В читальном зале библиотеки горпарткабинета склонился над книгами Ленина человек средних лет с молодыми живыми глазами. Он читает внимательно, делает

выписки. Потом он берет книги по истории партии, материалы о X съезде РКП(б). Работа длится допоздна. Человек готовится к выступлению. Но не на семинаре, не на лекторской кафедре, а на сцене. Зиновий Владимирович Бестужев готовит роль инженера Забелина в спектакле «Кремлевские куранты».

Ночью долго не гаснет в его комнате свет. Стол артиста весь заложен словарями, справочниками, вырезками из газет. Строчка за строчкой, прочитанные им, постепенно воссоздают перед ним обстановку, в которой жил и действовал его герой. В книгах по энергетике, в воспоминаниях современников он ищет исторических прототипов Забелина. Артист раздвигает рамки пьесы, он видит героя до революции, переносит его в годы пятилеток; не придумывает Забелина, а ставит его в реальные обстоятельства и заставляет жить и действовать. Он думает то, что мог думать герой, старается почувствовать то, что он мог и должен был чувствовать... На короткое время гаснет свет. А утро застает артиста на том же месте — у стола, артист снова и снова вчитывается в текст пьесы...

Упорный труд в сочетании с одаренностью — вот в чем секрет обаяния этого актера. Умение думать, упорно искать и находить — в этом и заключается творчество, высокое и подлинное искусство, которому Зиновий Владимирович посвятил свою жизнь.

В этот день многие зрители пришли в театр с цветами. И когда опустился занавес и на авансцену вышел артист, буря аплодисментов возникла в зале. Тагильчане горячо поздравляли Бестужева с присвоением ему звания заслуженного артиста. И отвечая улыбкой на сотни дружеских улыбок, может быть впервые за десятки лет Зиновий Владимирович чувствовал себя на сцене непривычно: скованным и смущенно-неловким.

В. ЧУВАНОВ.